

XVI

ОТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К НАЦИОНАЛИЗМУ

В первые годы двадцатого века международная напряженность стала чертой современной жизни, сохраняющейся, почти беспрерывно, вплоть до нашего времени. Кризисы быстрой вереницей следовали один за другим, национальные страсти разгорались, гонка вооружений набирала силу, а возможности дипломатических маневров уменьшались. В случае возникновения войны были основания опасаться того, что многосторонняя система союзов и далеко идущее имперское соперничество превратят ее в мировую. Не меньше тревог доставили и новейшие технические достижения, угрожая небывалыми масштабами уничтожения людей и собственности. Стремясь предотвратить катастрофу, Социалистический Интернационал уже на рубеже веков начинает на своих съездах все большее внимание уделять выработке антивоенной политики пролетариата. Националистическому безумию, грозившему ввергнуть мир в пропасть, социалистическая организация намеревалась противопоставить международную солидарность рабочего класса.

Еще в 1900 году Парижский конгресс Интернационала призвал к началу всеобщей борьбы против милитаризма и колониализма. Семь лет спустя, когда международное положение, казалось, еще более осложнилось, Штуттгартский Конгресс поставил вопрос о войне и мире в центр своей деятельности. Конгрессу 1907 года удалось принять резолюцию о предотвращении войны, до 1914 года остававшейся основным ориентиром для социалистических партий. Следующие, после Штуттгартского, конгрессы безуспешно пытались достичь согласия по таким конкретным мероприятиям как организация всеобщей международной стачки в случае возникновения военного кризиса. Несмотря на эту неудачу, члены Интернационала верили, что своими усилиями и, в особенности, резолюцией 1907 года создали эффективное противодействие войне¹. С некоторой долей отсутствия реализма они склонны были после 1907 года рассматривать предотвращение или локализацию военных действий как следствие собственных тяжелых усилий².

Эта иллюзия была жестоко разрушена в 1914 году, когда Интернационал оказался не в силах остановить сползание Европы к войне. Во время кризиса, последовавшего за инцидентом в Сараево, рабочий класс собрался под знамена своих «буржуазных» государств и приготовился сражаться против своих пролетарских братьев другой национальности. Начало Мировой войны было похоронным звоном по II Интернационалу и его благородной мечте.

Ни один из лидеров Интернационала не был так горячо предан идеалу международной пролетарской солидарности как Плеханов. Во время русско-японской войны словом и делом он показал, кому принадлежит его верность. Его пораженная позиция во время российских военных действий и знаменитое рукопожатие с Сен Катаямой на Амстердамском конгрессе 1904 года воплощали те принципы социалистического интернационализма, которые провозглашали все конгрессы. То, что взгляды Плеханова к началу I мировой войны не изменились, видно из открытого письма, написанного им в 1912 году во французскую социалистическую газету: «Для нас высший закон — это интересы международного пролетариата. Война же находится в полном противоречии с этими интересами... Мы знаем, что в мире существует только одна сила, способная поддерживать мир, — это сила организованного международного пролетариата. Пусть сколько угодно обвиняют нас в парадоксальности, от этого не станет менее неоспоримым, что только ВОЙНА МЕЖДУ КЛАССАМИ сможет с успехом противостоять ВОЙНЕ МЕЖДУ НАРОДАМИ»³. Менее чем два года спустя автор этих строк произнес воинствующую речь перед группой русских добровольцев, которые собирались воевать на стороне Франции против Германии⁴. Изумленному гостю он заявил, что если бы не преклонный возраст, сам отправился бы на фронт защищать Россию⁵.

В определенном смысле Плеханов смутно предвидел бедствие, в 1914 году постигшее II Интернационал, и предупреждал о нем, хотя не мог себе представить, что дойдет до того, чтобы защищать царскую Россию. Вместе с другими единомышленниками он непрестанно требовал изгнания ревизионистов из международной организации на том основании, что они не разделяют марксистских взглядов, которые лежат в основе ее деятельности. Его обращения не были услышаны организацией, предпочитавшей ортодоксальности и строгой дисциплине единство и численность. В этом Интернационал отражал позицию большинства партий, его составлявших. Как и немецкая социал-демократическая партия — самая сильная его секция, II Интернаци-

нал осудил ревизионизм, но отказался выдворить его поборников и, в конце концов, уступил ему.

Несмотря на то, что его приверженцы доказывали обратное, общая тенденция ревизионизма бесспорно противоречила интернационализму. По убеждению ревизионистов, буржуазное государство в ходе эволюции постепенно превращалось в социалистическое. Соответственно, такое государство не следовало безоговорочно осуждать как всего лишь орудие правящего класса в борьбе за сохранение собственного господства. Будучи уже отчасти государством рабочих, благодаря проведенным в их пользу реформам, оно со временем должно было полностью перейти к народу. Рабочий класс не мог оставаться равнодушным к уничтожению иностранным завоеванием того института, на котором зиждались его надежды на окончательное освобождение. Другими словами, ревизионизм имел тенденцию порождать национализм, вопреки всем интернационалистским заклинаниям его представителей⁶. Несмотря на это, если бы прелостережения Плеханова были услышаны и Интернационал принял бы решение об исключении ревизионистов, он вполне мог тем самым погубить самого себя еще до 1914 года. Социальная реформа, ревизионизм и национализм — все это были грани одного социального процесса. Ревизионистов невозможно было исключить, не исключив в то же время значительную часть рабочего класса, от имени которого эта международная организация выступала.

С другой стороны, существовала удивительно воинственная резолюция Штуттгартского конгресса о путях и средствах предотвращения войны, принятая конгрессом единодушно. Наступательный тон резолюции (составленный по проекту Бебеля) особенно заметен в последних абзацах, содержащих поправку, предложенную Розой Люксембург, Лениным и Мартовым:

«В случае опасности войны рабочий класс и его парламентские представители в заинтересованных странах обязаны, пользуясь поддержкой Международного Бюро, сделать все возможное, чтобы помешать объявлению войны всеми кажущимися им рациональными СРЕДСТВАМИ, РОД КОТОРЫХ ЗАВИСИТ ОТ СТЕПЕНИ ОБОСТРЕНИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И ОБЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

Если война все же разразится, они должны стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить па-

дение капиталистического классового господства»⁷. То, что эти принципы, разработанные представителями левого крыла, могли быть приняты единодушно, как будто свидетельствует о действенности II Интернационала как антиимпериалистского органа. Плеханов был среди тех, кто выразил глубокое удовлетворение такой формулировкой, которая, как он выразился, по-видимому, годится на все случаи⁸.

Однако эта резолюция получила единодушную поддержку во многом потому, что была приемлемым для всех лозунгом. Делегаты были чрезвычайно удовлетворены своим детищем; но время покажет, что, стремясь удовлетворить все фракции, они изготовили противоречивое и неудачное средство. Прежде всего, бебелевская резолюция называла причиной войны соперничество капиталистических государств. Это положение явно указывало на необходимость категорического осуждения всех вооруженных столкновений. В резолюции это уточнение не содержалось как знак уважения к тем влиятельным делегатам, убежденным в необходимости проводить различие между наступательными и оборонительными войнами⁹. На Копенгагенском конгрессе в 1910 году эти силы добились официального признания права наций на защиту от нападения¹⁰. Вопросы о том, как можно безошибочно определить агрессора и как примирить защиту нации с пролетарским интернационализмом, остались без ответа. Эта существенная черта генеральной линии и явилась тем ящиком Пандоры, из которого вырвались неисчислимые беды в 1914 году.

Более того, воинственная и открытая политическая линия последних абзацев резолюции была во многом сведена на нет предыдущим заявлением о том, что необходимые действия будут, естественно, меняться в зависимости от каждого конкретного случая и обстановки в различных партиях¹¹. Поправку российских социал-демократов можно было понять так, что она предполагает возможность прибегнуть к восстанию, и Плеханов был одним из тех, кто одобрил ее на этом основании¹². Но иначе поняли ее немецкие социал-демократы, уклонявшиеся даже от менее воинственных инициатив. На конгрессе 1910 года они отклонили предложение в поддержку международной всеобщей стачки в качестве средства предотвращения или прекращения войны¹³. Утверждая, что принятие такой резолюции может привести к преследованию их партии германским государством, они продемонстрировали оборонческую психологию, плохо совместимую с дерзкими выражениями резолюции. Тогда это еще не было очевидно, но немцы, по-видимому, категорически возражали против всеобщей стачки в принци-

пе, а не только по тем причинам, которые называли. Однако Плеханов защищал немецкую позицию, критикуя британскую и французскую партии, предложившие план всеобщей забастовки. Он считал, что немцы надежнее других, и не считал нужным подробно планировать действия в случае войны. «И можно утверждать, не опасаясь ошибки,— писал он,— что именно германский сознательный пролетариат сумел бы наилучшим образом использовать в интересах революции то положение, которое создалось бы в Европе войной, скажем, между Германией и Англией».¹⁴ Его безоговорочная вера в руководство немецкой социал-демократии сделала его странным образом нечувствительным к тому, что для действенности общих усилий крайне необходимо согласие, и он легко упустил возможность использования специфической меры как средства устрашения тех правительства, что проводят безрассудную внешнюю политику.

Поскольку не удалось достичь согласия ни относительно восстания, ни всеобщей стачки, Интернационалу остались, в качестве возможного арсенала, сравнительно малозэффективные средства антивоенной политики. Он мог рассчитывать только на массовые демонстрации рабочих, голоса своих представителей в парламентах при голосовании военных кредитов и координацию действий различных партий через свое Бюро. Быть может, эти меры были не так уж незначительны, но, во всяком случае, ими далеко не исчерпывались все возможные средства, которые могли превратить международную солидарность пролетариата в надежную преграду войне. И даже эти ограниченные меры воздействия не были использованы полностью из-за особенностей Устава II Интернационала. Это была свободная ассоциация автономных национальных партий, и поэтому ее решения не являлись обязательными для составляющих ее членов. Возможно, моральные связи лидеров национальных секций, основанные на общности взглядов и личной дружбе, казались самой верной гарантией против междуусобной войны. Но во время острого кризиса середины 1914 года национализм оборвал все нити сотрудничества между социалистическими партиями. Их тщательно выстроенные антивоенные позиции рухнули почти тотчас же, и они охотно зашагали по дороге к Армагеддону.

Весной 1914 года жена Плеханова обдумывала планы расширения санатория, устроенного ею возле Сан-Ремо. Плеханов, погруженный в работу над своим историческим трагикомплис [большой труд — лат.], все же реагировал на политический климат; он советовал Розалии

Марковне отложить реализацию этих планов, предчувствуя, что наступает война¹⁵. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда подтвердило его опасения. Через месяц после объявления войны Австроией он поспешил из Парижа, где собирал материал, в Брюссель на специальную встречу, созданную по инициативе Бюро Интернационала. Наверное, он то негодовал, то вновь ободрялся, когда руководители излагали будущую позицию своих партий. Вполне вероятно, что особенно возмутил его Виктор Адлер, явно без борьбы поддавшийся националистической лихорадке, которая ввергла Австроилю в войну. «Война против Сербии популярна в Австроии,— замечал Адлер,— и социалистам трудно было бы выступить против»¹⁶. В том, что касалось австрийцев, все их прежние уверения относительно международной пролетарской солидарности ничего более не стоили.

Другие вожди, особенно Гуго Гаазе, председатель немецкой партии, сделали заявления более обнадеживающие. На массовом митинге в Брюсселе, организованном бельгийской организацией, Гаазе произнес речь в полном соответствии с самой решительной частью Штутгартской резолюции. «Австроия,— заявил он,— одна виновата в войне. По-видимому, Австроия рассчитывает на Германию, но германские социалисты заявляют, что тайные договоры не связывают пролетариата. Немецкий пролетариат заявляет, что Германия не должна вмешаться даже в том случае, если вмешается Россия...» Заверив, что французский пролетариат думает то же самое, он продолжал: «Пусть наши враги осторегутся. Может случиться, что бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец пробудятся и установят социалистическое общество»¹⁷. Казалось, что Плеханов не обманулся в своей вере в немцев.

Затем выступил Жан Жорес с не менее подобающей интернационалиstu речью. За две недели до этого, на чрезвычайном съезде французской социалистической партии, он призвал к всеобщей международной забастовке, чтобы предотвратить начало войны. В Брюсселе он живо откликнулся на заявление Гаазе и выступил с таким же заявлением от имени французских рабочих. Предполагалось, что позиция немецких социалистов заставит правительство Германии употребить свое влияние, чтобы смягчить австрийскую политику. Жорес обещал оказать давление на французское правительство с целью оказания такого же сдерживающего влияния на Россию. Но, добавил он: «Если Россия не прислушается, наш долг сказать: „Мы не знаем другого договора, кроме того, который связывает нас с человечеством“»¹⁸. Эти

декларации послужили настоящей поддержкой тем, кто, как Плеханов, возлагали большие надежды на действия международного социалистического движения. Если усилия Германии и Франции помогут сдержать политику России, то война может быть локализована, а, возможно, и приведена к скорому окончанию.

На следующий день после завершения встречи Жорес был убит в Париже. Это было тяжелым ударом для II Интернационала и его миротворческих усилий. Плеханов о трагедии узнал в Лондоне, куда он выехал вместе с женой после Брюссельской встречи. Розалия Марковна впоследствии рассказывала, что, когда Плеханов прочел известие, он «побледнел как смерть». «Мне казалось,— писала она,— что он теряет сознание. Что с тобой? — спросила я его. Почему это известие так тебя расстроило? Ты не можешь себе представить, что за война это будет,— ответил он. Это будет бойня народов, и жестокость ее превзойдет все, что человечество испытывало до сих пор»¹⁹. Удрученные, супруги немедленно отправились в Париж — Город Света, теперь представившийся им темным и угрюмым. Однако еще казалось, что дело мира не погибло. Слова, произнесенные на похоронах Жореса Германном Мюллером, представителем немецкой социал-демократической партии, подтвердили интернационалистскую позицию Гаазе в Брюсселе. А после смерти Жореса руководство французской партией перешло к Эдуарду Вайяну и Жюлю Геду, которого Плеханов оценивал выше, чем Жореса.

Сегодня немногие согласятся с плехановской оценкой этих двух фигур, но к тому времени уже было почти неважно, кто стоит у штурвала французского социалистического движения. Жорес также не мог бы остановить стремительный бросок к войне, как и Гед, ибо ход событий решался не в Париже, а в Санкт-Петербурге и Берлине. Когда Россия в качестве предупреждения Австрии о том, что она не потерпит уничтожения Сербии, объявила мобилизацию, Германия ответила объявлением войны России, а вскоре и Франции. Жорес считал долгом своей партии принять участие в защите нации от агрессии. Отбросив интернационализм, Гед теперь взял тот же курс и объявил о готовности французских социалистов голосовать за военные кредиты. Германский ультиматум Бельгии с требованием разрешить беспрепятственный проход для своих войск рассеял последние сомнения французских социалистов. Тем временем, сопротивление немецких социал-демократов слабело. Они покорно подчинились приказу имперского правительства воздерживаться от демонстраций в дальнейшем, а в день

предъявления ультиматума Бельгии партия отдала свои голоса в реихстаге за военные кредиты.

При всей неожиданности поведения немецкой партии, оно нашло параллель в поведении Плеханова в начале войны и после этого. Его позиция могла отчасти определяться обстоятельствами, в которых он оказался, когда началась война. Кризис застал его в столице страны, чью революцию он почитал, а культуру любил. Возможно, на него по действовала паника, охватившая Париж при объявлении войны Германией, и он легко поддался влиянию духа патриотизма, который зарядил не только население, но и Геда, и его окружение²⁰. Последние, в Плеханов был с ними близок, были убеждены, что нужно защищать Францию не только потому, что это — их родина, но и потому, что судьба ее связана с делом прогресса человечества. Страна Великой Революции, страна ближе всех стоявшая к социализму, должна быть любой ценой ограждена от нападения германского империализма.

Плеханов стал ярым пропагандистом борьбы союзников против держав Центральной Европы. Он одобрил голосование французских социалистов за предоставление военных кредитов. И он, десятилетие спустя после того, как обличал одного из их вождей — Огюста Мильтрана, — принял портфель в буржуазном кабинете, теперь благословил Геда на то же самое. Он, почти сорок лет призывающий русский народ свергнуть царское правительство, теперь уговаривал защищать самодержавие. Его деятельность по призыву русских добровольцев для службы во французской армии словно символизировала полный разрыв с собственными принципами. Вряд ли следует удивляться тому, что поведение Плеханова вызвало сначала изумление, а затем и негодование его нынешних и прежних последователей, большинство которых заняли антивоенную позицию.

Вернувшись в Швейцарию вскоре после вступления Франции в войну, Плеханов столкнулся с еще двумя крупными группировками социалистов, позиции которых противостояли его «оборончеству». Он вызвал в Женеву Анжелику Балабанову, одну из своих преданных учениц, которая занимала теперь видное положение в итальянской социалистической партии, и к ее изумлению — ибо она полагала, что ответ ясен из положений марксизма, — спросил ее о собственной позиции и о том, какова будет позиция ее партии по отношению к войне. Она ответила: «Мы сделаем все, чтобы помешать Италии вступить в войну и как можно скорее закончить войну. Что касается меня, я, конечно, сделаю все, что могу, чтобы помочь моей партии». Плеханов гневно

сверкнул глазами и с упреком произнес: «Так вы хотите помешать Италии вступить в войну? А как же Бельгия? Где ваша любовь к России?» На эту неожиданную вспышку она возразила: «Что значит — моя любовь к России?.. Разве не Вы предупреждали нас, что эта бойня готовится, и мы должны противостоять ей?» «Что касается меня,— сказал Плеханов,— если бы я не был стар и болен, то пошел бы в армию. Мне доставило бы огромное удовольствие поднять на штык ваших немецких товарищей»²¹.

В этом обмене мнениями Балабанова занимала интернационалистскую позицию, характерную для европейских социал-центристов. Они осуждали войну, боролись за соблюдение нейтралитета странами, не втянутыми в конфликт, и окончание военных действий. Плеханова эта позиция так же раздражала, как позиция крайних левых, с которой он столкнулся вскоре после этого.

В октябре Плеханов поехал в Лозанну, чтобы выступить на собрании российских социал-демократов, на котором присутствовал и Ленин. Вождь большевиков уже был наслышан о позиции своего прежнего наставника, но отказывался этому верить. Для него было «просто невозможно» поверить в то, что Плеханов, непреклонный марксист, стал оборонцем^{*}. Однако, слушая плехановскую речь, Ленин понял, что невозможное произошло. Он не намерен был оставлять аргументы Плеханова без возражений. Ленин вышел к столу и начал с похвал плехановскому анализу и осуждения поведения немецкой социал-демократической партии. Но, вторя выступлению Мюллера на похоронах Жореса и заявлению Анжелики Балабановой, утверждал, что виновны все воюющие державы. Конгрессы Интернационала правильно указали на капитализм, как на источник международного конфликта, и верно наметили курс для социалистов. Социалистические партии — французская, британская и бельгийская, а также немецкая — отреклись от своего долга, поддавшись шовинистическому дурману. До сих пор его позиция незначительно отличалась от позиции центристов. Затем, перейдя к будущему лозунгу левого крыла, он заявил, что необходимо превратить только что начавшуюся международную войну в борьбу пролетариата за свержение правящего класса²².

* Временами Ленин думал, что позиция Плеханова в войне объясняется его военным воспитанием (Krupskaya N. K. Memories of Lenin / Trans. by E. Verney. New York, N. d. Vol. I. P. 219).

В противовес этим положениям Плеханов в пространной брошюре под заглавием «О войне» детально изложил свою собственную концепцию. Он ни на минуту не допускал, что его позиция хоть в чем-нибудь отступает от интернационализма и ортодоксального марксизма. Изменения, которые другие могли называть существенным отходом от его прежней позиции, он считал только тактическими, вызванными резким изменением обстановки. Разве сторонникиialectического метода не должны приспосабливать свою тактику к новым обстоятельствам, если надеются достичь своих целей, остающихся неизменными?

Он признавал, хотя и не так страстно, как прежде, что война в современных условиях вызвана капитализмом и что все державы проводят империалистическую политику²¹. Однако, по его мнению, это признание отнюдь не решает вопроса о вине за начало войны, которому он придавал большое значение. Социалисты, считающие, что все державы виновны в развязывании войны, просто не видят фактов. Разве правительство Германии не способствовало обострению международного положения в годы, предшествующие началу войны? Разве не Германия стояла за ультиматумом, который Австрия предъявила Сербии? Разве союзные державы предпринимали столь возмутительный акт, как насилие над нейтральной Бельгией?²⁴ Плеханов не имел никаких сомнений относительно ответственности держав Центральной Европы, и особенно Германии, за развязывание войны. Германия оказалась наиболее готовой применить силу и тем самым навлекла на себя позор как агрессор. Для социалистов не делать различия между нападающим и защищающимся значит грешить против нравственности.

Конечно, ни Плеханов, как и никто другой в международном социалистическом движении, не знали всех подробностей, чтобы судить об истине. Однако очевидно, что Плеханов в оценке ответственности был пристрастен по отношению к державам Центральной Европы и закрывал глаза на соучастие союзных держав в развязывании войны. Он оправдывал интриги сербских националистов в Боснии, ссылаясь на право наций на самоопределение; что же касается Австрии, то она использовала убийство эрцгерцога как предлог для желанного уничтожения Сербии²⁵. Конечно, так оно и было, но Плеханов упустил из виду связь между сербскими интригами и решимостью габсбургского режима уничтожить соседа. Осудив Австрию и ее союзницу Германию, поддержавшую ультиматум, предъявленный Сербии, он, как ни трудно в

это поверить, стал оправдывать и поведение России. Скорее как российский государственный деятель, а не как социал-демократ, он утверждал, что у России не было выбора, и она должна была прийти на помощь Сербии, «если не хочет потерять всякое влияние на Балканском полуострове»²⁶. При этом он косвенно оправдывал мобилизацию в России и в то же время осуждал Германию за объявление войны, что, по сути, было ответной мерой.

По словам Плеханова, немецкая социал-демократическая партия разделала с германским правительством роль злодея. Крайняя степень разочарования Плеханова в той партии, которую он ставил превыше всех, видна во всем, что он написал во время войны. Он не мог найти достаточно оскорбительных слов, чтобы выразить в полной мере свое презрение. Немцы обманули его веру в то, что они могут правильно поступить в критический момент. То, что они не сумели противостоять политике «крови и железа», показало фальшивость их прежних возражений против открытого принятия тактики всеобщей забастовки. Они нарушили свою верность Интернационалу и торжественные обещания, которые сделали Гаазе и Мюллер всего за несколько дней до того, как Германия объявила войну. «Штрайкбрехеры в большом масштабе», они нарушили международную солидарность пролетариата — главную надежду на предотвращение всеобщего конфликта. Плеханов признался, что сначала не мог поверить сообщениям в «буржуазной» прессе о том, что социал-демократы поддержали в рейхстаге военные кредиты²⁷.

Их оправдание — право Германии на оборону — Плеханов заклеймил как лживое, не видя сходства между позицией Германии по отношению к России и позицией Франции в отношении Германии. Как и французские социалисты, он слепо верил французскому правительству, без всяких сомнений принимал официальные сообщения и был охвачен патриотическим пылом защиты отечества. Плеханов не делал никаких скидок немецким социалистам, которые оказались в таких же обстоятельствах. Конечно, признавал он, по стране прокатилась огромная волна шовинизма; но долг истинных социалистов — встать во главе сопротивления, а не капитуляции. Вместо того, чтобы выполнить свои обязанности, немецкие социалисты заключили нечестивый союз с хищным германским милитаризмом. Ошпортунизм победил, ибо партия вела чудовищную политику получения выгод для немецкого рабочего класса за счет народов, которым предстояло оказаться под

властью Германии^{*}. Вступив в классовое сотрудничество и поддерживая политику возвеличивания немецкой нации, немецкие социалисты покрыли себя позором, отказавшись от своих принципов ради материальной выгоды. Эта агрессия держав Центральной Европы, утверждал Плеханов, диктует их жертвам необходимость защиты нации. Ясно, что, по его мнению, прорыв единого фронта пролетариата и сотрудничество немецкой партии с германским милитаризмом делают неприемлемыми заключительные интернационалистские абзацы Штуттгартской резолюции. Взамен он призывал Интернационал принять решение о поддержке войны в защиту нации^{**}. На этом основании он одобрил согласие социалистов на предоставление военных кредитов в парламентах союзных держав и даже участие социалистов в правительствах национального единства.

Однако Плеханов не был бы самим собой, если бы оперировал только правом на защиту нации; как и следовало ожидать, он связал оборонные действия с ценностями и целями социализма. Военная победа Германии, доказывал он, будет губительна для социализма как в стране-победительнице, так и в побежденных странах. В первом случае, она укрепит правое крыло социал-демократической партии, которая, поддержав войну, потеряла право считаться социалистической организацией. Страны, которые может подчинить себе германский империализм, будут, как минимум, задержаны в экономическом развитии, если вообще не потеряют национальную независимость. В любом случае, серьезно пострадают перспективы социализма. С другой стороны, сокрушительное поражение германского империализма передаст власть в немецкой партии ее более надежной и боевой части. Что касается других стран, очевидно, их путь к социализму будет гораздо легче, если им удастся избежать мучительных выплат, или, что еще хуже, чужеземного владычества.

* Плеханов Г. В. О войне. 2-е изд. Пг., [1915]. С. 73. Неприязнь Плеханова к немецкой партии в некотором роде связана с неприятной беседой, которая состоялась у него вскоре после начала войны с Максом Кварком, депутатом рейхстага от социал-демократов. Кварк связывал победу Германии с успехом социализма и жаловался на плохой прием, который оказывали немецким войскам бельгийцы (Louis D. Socialistes Allemands // La Guerre Mondiale. Geneve, 1914. Dec. 12). По словам дочери Плеханова, ответ ее отца был: «А вы ждали, что вас встретят пивом и солеными крендельками?»

** Здесь вспоминается его высказывание в «Истории русской общественной мысли» о том, что антагонистические классы могут вступать в «более или менее дружеское сотрудничество в случае защиты страны от внешнего нападения».

Конечно, особый интерес представляет анализ Плехановым позиции России в войне. Как утверждает Ваганян, Плеханов сначала одобрил голосование социал-демократов в Думе против военных кредитов²⁸. Очевидно, обязательства всей его сознательной жизни мешали ему применить свою оборонческую позицию к России. Но ему понадобилось немного времени, чтобы устранить эту непоследовательность. Вполне возможно, что он рассуждал так: если Франция ведет справедливую войну, то царская Россия, ее союзница, тоже непогрешима. Однако этот силлогизм он никогда не выдвигал открыто. Плеханов держался того мнения, что Россия также ведет оборонительную войну. Победа Германии, утверждал он, была бы ужасным препятствием для поступательного движения России. Германский империализм намерен эксплуатировать завоеванные нации, их экономическое развитие несомненно будет остановлено, что неизбежно замедлит их общественный и политический прогресс²⁹.

Те, кто полагает, что поражение России будет катастрофой только для ее правящих классов, отмечал Плеханов, жестоко ошибаются. Трудящиеся, сражаясь против Германии, фактически защищают собственные интересы. Ибо, как он выразился: «РОССИЯ ПРИНАДЛЕЖИТ СВОЕМУ ТРУДЯЩЕМУСЯ НАСЕЛЕНИЮ. КОМУ ДОРОГИ ИНТЕРЕСЫ ЭТОГО НАСЕЛЕНИЯ, ТОТ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАВНОДУШЕН К СУДЬБАМ РОССИИ»³⁰. Он допускал, что победа России может усилить позиции российской реакции, но верил, что это будет лишь временно; во всяком случае, потеря для прогрессивных сил будет неизмеримо меньше, чем в случае победы Германии. Для русских рабочих отказ поддержать военные действия равносителен помощи правящим классам державы-агрессора, и последствия такой политики будут гораздо более тяжелыми.

Плеханов отвергал доводы тех, кто видел в поражении России возможность для продвижения дела революции. Как ни странно, он полагал, что такое же поражение Германии сдвинет равновесие политических сил в этой стране влево, в то время как поражение России будет иметь для нее противоположный эффект. Возможно, он рассматривал вопрос таким образом потому, что отлично знал о грабительских планах германских вояк, но, очевидно, принимал за чистую монету уверения союзных держав в решении своих чисто оборонительных задач. На этом основании он мог считать, что результаты исхода войны в победенной Германии будут другими, нежели те, что предстоит принять России, если она падет под ударами кайзеровских войск. Он не видел

вероятности революции для России потому, что несколько преждевременно сделал вывод относительно единства русского народа со своим правительством в решимости дать отпор захватчику³¹. И даже когда война продолжалась, а противодействие народа си в России росло, Плеханов не перешел к революционной политике. Напротив, он стремился задержать подъем революции и возродить волю к активной защите нации.

Ветеран революции опасался революционного взрыва, который может разрушить жизнь в стране и нанести вред военным усилиям России. Вполне возможно, что он возражал против революционной политики еще и потому, что имел мало оснований ожидать, что она пойдет в соответствии с его прогнозами и указаниями. Буржуазные партии — самые ярые поборники войны — растеряли все свои прежние революционные симпатии. Тем не менее, Плеханов не мог представить себе революцию без участия и буржуазии, и пролетариата. С другой стороны, именно большевики приветствовали поражение, и Ленин вполне мог использовать недовольство народа в своих недостойных целях. Снова, как в 1905 году, возник тревожный для Плеханова призрак преждевременного захвата власти. Такая попытка, не уставал повторять он, губительнее всего скажется на интересах рабочего класса.

Он представлял себе три возможных варианта: победа Германии и в результате порабощение России; победа России и вероятное усиление реакционной партии; а также поражение России с последующим захватом власти большевиками. В работе «О войне» он не подвел итогов своим размышлениям, но сводились они к следующему: победа или поражение — прогресс России скорее всего будет задержан. «Оборонец» в вопросе об участии России в войне, Плеханов занял оборонческую позицию и в вопросе революции. Если выбирать между второй и третьей возможностями, он предпочел бы вторую, ибо победа правительства, во всяком случае, даст возможность для эволюционного развития российской экономики, что крайне необходимо для воплощения в жизнь его революционной схемы.

Со временем Плеханов ощутил неприемлемость, с политической точки зрения, такого комплекса бескомпромиссных альтернатив, ко-

* Это признает и Каменская (псевдоним Р. М. Плехановой) в предисловии к книге «Anarchisme et Socialisme» (Kamenskaia M. Georges Plekhanoff // Plekhanoff G. Anarchisme et Socialisme: Force and Violence. Paris, 1924. P. XXXIII).

торый он ранее наметил. В сентябре 1915 года он попытался установить более вдохновляющую связь между идеей защиты нации и политическим прогрессом в России. Он знал о растущем бессилии правительства, но, тем не менее, настаивал на продолжении поддержки народом военных действий, имея в виду переход власти (каким-то неопределенным образом) от царизма к народу. Как он писал: «Освобождение России от внутреннего врага (старого режима и его защитников), достигаемое в процессе ее самообороны от иностранного нашествия,— такова та великая цель, которой безусловно должны были быть подчинены все частные задачи и второстепенные соображения»³². Быть может, эта рекомендация и была более обнадеживающей, но страдала некоторым противоречием. Русскому народу, интересы которого были связаны с прогрессом, предлагалось добиваться их путем содействия военной победе реакционного государства.

Во всем этом трудно узнать Плеханова — воинственного борца революционной социал-демократии. При всех его возражениях, предлагаемая им в годы войны тактика не соответствовала тем положениям и задачам, которые он пропагандировал в течение трех последних десятилетий. Шок, испытанный Плехановым в начале войны, подтолкнул его к позициям, очень далеким от тех, которые он долгое время защищал. Плеханов периода войны поддерживал классовое сотрудничество, а не классовую борьбу; войну между народами, а не международную пролетарскую солидарность. Он рекомендовал защищать существующее государство, а не готовить его свержение, поскольку это могло привести к непредвиденным и нежелательным результатам. Эта позиция (Плеханов упорно отказывался признаваться в ней открыто) была зеркальным отражением того самого ревизионизма, против которого он так страстно выступал. И, словно в доказательство, в работе «О войне» Плеханов с одобрением цитировал Канта — мыслителя, так сурово им порицаемого в период своей полемики с ревизионистами³³.

Его удивительный поворот начался с негодования по поводу «предательства» немецких социал-демократов, побудившего его перейти от интернационализма к оправданию защиты нации. Законность права на защиту нации стала навязчивой идеей его политики. И стоило ему однажды заставить себя поверить в то, что защита нации является средством достижения дорогих ему социалистических целей, как склонность к последовательности заставила его сделать логические

выводы и руководствоваться ими без колебаний^{*}. Фактически, защита нации стала той целью, которой он подчинил социализм. Если, как он говорил, Маркс и Энгельс оправдывали право на самооборону, тем самым, они противоречили себе. В «Коммунистическом манифесте» сказано прямо: «Рабочие не имеют отечества!» И сам Плеханов утверждал во время русско-японской войны, что в капиталистическом обществе государство принадлежит буржуазии. Согласиться с тем, что долгом рабочего является защита нации, значит утверждать, что в действительности рабочий был какой-то частью этой нации. Делая эту уступку, Плеханов отступал на ревизионистскую позицию и вынужден был принять все, что она подразумевала. До этого для социалиста неизменным критерием пригодности той или иной тактики была ее способность помогать развитию сознания пролетариата как класса. Плеханов продолжал использовать те же выражения, но было ясно, что рекомендуемая им тактика военного времени препятствует этому развитию, а следовательно, и отдаляет перспективу социалистической революции. И все же он продолжал считать себя социалистом, не сознавая несовместимости позиции «оборончества» с революционной социал-демократией. Высшая ирония состояла в том, что Плеханов не смог понять, куда завели его собственные положения. Он не переставал осуждать немецкую партию за отступление от ортодоксального курса, но выступал, в сущности, с ревизионистским курсом и одобрял те же самые действия во французской и других партиях.

Степень разрыва Плеханова с ортодоксальным марксизмом особенно проявилась в его новом отношении к Канту. Он всегда был решительным защитником философских основ марксизма, и перемена в его отношении к Канту указывала на коренные изменения в его мировоззрении. Если прежде он видел в кантианстве философию, чуждую интересам пролетариата, теперь он думал о некоем его синтезе с марксизмом. Особо притягательной теперь для него стала этика Канта. Плеханов считал благородным и привлекательным тезис Канта о том, что каждого человека необходимо рассматривать как самоцель, а отнюдь не как средство. И он не видел противоречия

* То, что подразумевалось в брошюре «О войне», он заявил некоторое время спустя: «Раз поставленный историческими событиями в положение революционера, который ради самых насущных интересов своего дела должен поддерживать войну с германским империализмом, я иду до конца, не смущаюсь никаким тактическим „преданием...“» (Призыв. 1916. 22 янв. (№ 17). С. 8).

между этим принципом и тем движением, которое стремилось покончить с экономической системой, обращавшейся с человеком как со средством. В международных отношениях буржуазия перешла к экспансионистской политике, нарушавшей право народов на самоопределение. В представлении Плеханова высказывание Канта, в применении к международным отношениям, требовало защиты национальной независимости. Не только личность, но и народ необходимо рассматривать как цель, а не средство. Поэтому правильная пролетарская политика предполагает поддержку права на самоопределение. И далее он указывает, что так «составила ЭКОНОМИКА новейших обществ рекомендованную Марксом „внешнюю политику пролетариата“ с НРАВСТВЕННЫМ ЗАКОНОМ Канта»³⁴.

Восприняв этику, которую когда-то порицал, Плеханов, без сомнения, полагал, что она всего лишь цементирует марксистское здание, в сущности, остающееся без изменений. Фактически, он заменил основополагающие элементы своей системы принципиальными положениями, взятыми из другой. Кантова этика, как однажды заметил Плеханов, содержит в себе нечто абсолютное. Она представляет собой философский идеализм, который невозможно примирить с марксизмом, так как он не зависит от условий времени и места. Марксистский социализм зиждется не на этических основах, а на исторической необходимости. Это — та цель, которой, якобы, подчинены в историческом процессе все остальные. Как этика — свободно выбранное руководство к поведению — может совместиться с системой, считающей человеческое поведение предопределенным условиями извне? Защищать нерушимость личности и нации и при этом считать себя марксистом Плеханов мог только в ущерб последовательности^{*}. Право на защиту нации, которое на политическом уровне привело Плеханова к ревизионизму, имело философскую параллель в кантовой этике^{**}. Тот, кто принимал последнее, не мог одновременно оставаться марксистом.

* Плеханов сам однажды писал: «С помощью электикаского мышления можно соединить Маркса не только с Кантом, но и со средневековыми „реалистами“. Что же касается людей, последовательно мыслящих, то им незаконное сожительство Маркса с философией Канта должно представляться чем-то чудовищным в полном смысле этого слова» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 8. С. 393).

** Вероятно, он нашел путь к Канту во время поисков философского обоснования права нации на защиту. В работе «О войне» философская аргументация более перекликается с положениями философии Канта, чем Маркса.

но все же мог отдавать предпочтение социализму. Для него социализм становился разумно выбранным этическим идеалом. Именно таким образом понимал социализм Эдуард Бернштейн.

Следует заметить, что Бернштейн в самом начале войны пришел к позиции, в некоторых отношениях близкой к позиции Плеханова. Во время кризиса августа 1914 года он голосовал «с тяжелым сердцем» за военные кредиты, полагая, что Германия должна защищаться от нападения России. Он отличался от других членов своей партии и особенно ее ревизионистского правого крыла тем, что не заразился их патриотическим угаром. Бернштейн, в отличие от большинства тех, кто сорвался под его знамена главным образом из pragmatических соображений, был человеком глубоких нравственных убеждений. Еще до конца 1914 года он узнал о всеобщем возмущении за рубежом действиями немецких социал-демократов и о нарушении Германией границ нейтральной Бельгии. Его ужас усиливался по мере поразительного роста шовинизма среди коллег, опускавшихся до оправдания территориальных притязаний Германии. Нравственное отвращение к происходящему заставило его в конце 1914 года выступить с осуждением германского шовинизма и планов аннексий. В марте 1915 года он проголосовал против предоставления военных кредитов в первый раз, и с тех пор стоял во главе группы немецких социалистов, боровшихся за скорейшее окончание войны и справедливый мир³⁵.

За исключением брошюры «О войне», политические произведения Плеханова военных лет печатались, в основном, в еженедельной газете «Призыв», основанной осенью 1915 года. Она издавалась в Париже, и Плеханов сотрудничал в ней в довольно смешанной компании правых социал-демократов и, по ironии судьбы, правых социал-революционеров. Среди них были эсеры Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков и А. А. Аргунов и бывшие депутаты Второй думы от социал-демократов — Г. А. Алексинский и Г. Е. Белоусов. Автор объявления о выходе первого номера не был назван, но безошибочно угадывается рука Плеханова. Характерно и примечательно, что первое из двенадцати его положений касается права на оборону в случае нападения. Краеугольным камнем взглядов, нашедших отражение в публикациях и помещенных в «Призыва», была безоговорочная вера в вину держав Центральной Европы. То значение, которое Плеханов придавал необходимости наести поражение реакционной империалистической коалиции, заставило его мириться с самыми невероятными позициями на страницах «Призыва». Хотя позиция Плеханова безусловно соответствовала за-

даче, являвшейся в тот период первостепенной, все же она резко противоречила принципам, которые он исповедывал всю сознательную жизнь.

Его коллега Авксентьев выступал за то, чтобы представители левых партий в Думе воздержались от голосования по военным кредитам на том основании, что, в противном случае, массы увидят в этом признак доверия правительству. Плеханов, отчасти соглашаясь с таким доводом, все же советовал голосовать за их предоставление. То ли по удивительной наивности, то ли лукавя, он доказывал, что голосование против создаст финансовые трудности и тем самым помешает военным действиям России³⁶. Когда министр внутренних дел вел себя с рабочими самым провокационным образом, Плеханов рекомендовал проявлять терпение. Рабочие не должны поддаваться на провокации и отказываться от участия в организации самообороны, ибо это значило бы пачкать собственное гнездо: «Все, что ослабляет силу сопротивления в нашей стране, сейчас работает на политическую реакцию. Все, что увеличивает эту силу, работает на политический прогресс»³⁷. В вопросе достижения желательной демократизации режима его предложения напоминали тактику 1905 года, только еще более умеренную. Ради собственных интересов левые силы должны поддерживать «ответственную оппозицию», а не выдвигать революционные инициативы, которые неизбежно кончатся неудачей. В высшей степени схематичном изложении, основанном на опыте Французской революции, Плеханов видит конечную победу левых, если теперь они поддержат умеренную оппозицию; но, если они попытаются взять власть в свои руки сразу, то вскоре вынуждены будут уступить превосходящим силам правых³⁸. Плеханов предполагал, что такая линия должна стать стратегической, направленной на достижение радикальных целей, однако на практике следование ей требовало от революционеров чрезвычайно умеренного поведения. Такая позиция отодвигала Плеханова на крайне правую позицию внутри РСДРП, практически он был отчужден от всех прежних соратников по партии.

Однако среди социал-демократов отнюдь не все были согласны и со взглядами Ленина на войну. Почти никто не был готов к тому, чтобы душой и сердцем встать на сторону союзников³⁹, но большая часть социал-демократов занимала промежуточные позиции между Лениным и Плехановым, где находились и центристские элементы II Интернационала. С точки зрения центристов, поскольку ни одна из держав не свободна от вины, нет оснований поддерживать одну коали-

шию против другой. Необходима стратегия, созвучная пролетарскому интернационализму. И, прежде всего, она требует восстановления между социалистами воюющих блоков утраченных связей. Затем, объединившись, различные партии смогут мобилизовать пролетариат в собственных странах для оказания давления на воюющие правительства. Целью таких акций будет скорейшее окончание войны на «справедливой» основе — без аннексий и контрибуций.

Социалисты, придерживавшиеся подобных убеждений, преобладали на конгрессах в Циммервальде и Кинтале в 1915 и 1916 годах⁴⁰. Эти два прошедших подряд конгресса отразили рост антивоенных настроений и отход все большего числа членов от оборонческих правых позиций в партиях. Центристская фракция доминировала на обоих конгрессах, хотя кинтальские резолюции демонстрируют рост влияния ленинского левого крыла. Плеханов отвергал идеи таких встреч. Например, в июле 1916 года он энергично возражал против созыва конгресса, утверждая, что не годится социалистам союзных держав встречаться с социалистами «империалистических» держав^{*}. В течение десятилетий он исключал возможность сотрудничества пролетариата с его «буржуазными эксплуататорами». Теперь, чтобы не мешать такому сотрудничеству в странах Антанты, он бескомпромиссно выступал против проведения встреч между социалистами воюющих стран. Его прежняя позиция была основана на убеждении, что ничто не должно смущать рабочих и препятствовать развитию их классовой сознательности. Но теперешняя, периода военных лет, была направлена на предотвращение путаницы, которая может затемнить их национальное сознание и способствовать ослаблению единства нации. И при этом Плеханов называл сторонников Циммервальда-Кинталя «псевдоинтернационалистами», а себе и тем, кто разделял его взгляды, присваивал звание интернационалистов. По схеме, в которой черное представлялось белым и наоборот, он заявлял, что сопротивление германскому империализму — единственный вид действий, совместимый с понятиями интернационализма и классовыми интересами пролетариата.

* Прил. 1916. 22 июля (№ 43), С. 6. Прежде Плеханов возражал против созыва Международного Социалистического Бюро Интернационала по аналогичным причинам (Плеханов Г. В. Письмо к А. И. Любимову от 19 февраля 1916 года. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ел. хр. 122. А.66а.Л.1).

Конкретная критика Плеханова в адрес резолюций, принятых на Циммервальд-Кантальских конференциях, была двойкого рода: во-первых, декларации в защиту идеи о скорейшем заключении мира без аннексий и контрибуций ничего не стоят: нужны дела, а не слова. В полном неведении о широко распространявшихся слухах относительно аннексионистских намерений Антанты, он не видел необходимости в гарантиях добрых намерений союзных держав. Если социалисты «пострадавших» стран хотят справедливого мира, заявлял Плеханов, они должны приложить все силы к изгнанию захватчика. Что касается социалистов Центральных держав, они должны предъявить не обещания, а действия против своих империалистических хозяев. Во-вторых, Плеханов не видел смысла в действиях, направленных на оказание объединенного давления на воюющие правительства*. Напротив, он опасался, что Циммервальд-Кантальские резолюции, будучи приведенными в жизнь, окажут воздействие, обратное ожидаемому. После несказанного «вероломства» немецких социал-демократов неужели кто-то серьезно поверит в то, что они выполнят свою часть обещаний? А в союзнических странах Циммервальд-Кантальская пропаганда вполне может ослабить решимость рабочих, а следовательно, и действия по защите этих стран. Кроме того, не следует особо полагаться на немецкий рабочий класс в плане возможных революционных действий; в то же время, германские милитаристы непременно воспользуются колебаниями среди союзнических сил в своих целях. Соответственно, декларации о добрых намерениях вполне могут содействовать упрочению империалистических амбиций Германии и препятствовать достижению справедливого мира. Рекомендации Плеханова социалистам воюющих стран можно вкратце суммировать следующим образом: против собственного правящего класса — слова, а не действия; против внешнего врага — действия, а не слова. От социалистов стран Центральной Европы он требовал действий против собственных правящих классов, искупления вины, которую никакие слова не могут заменить адекватно.

* Призын. 1916. 22 июля (№ 43); 16 декабря (№ 56). В этих номерах содержатся доводы Плеханова против Циммервальда-Канталя. Не более благосклонно относился он к предложениям о борьбе за заключение мира, исходившим из любых источников. 31 декабря 1916 г. он писал дочери: «Мы не можем вступать в переговоры с прагом, который тягчает нашу землю» (Baron S. Plekhanov in War and Revolution 1914—1918 // International Review of Social History. Vol. XXXVI (1981). Part 3. P. 363).

События 1914 года и последующих военных лет оказали на Плеханова крайне пагубное воздействие. Крушение надежд на успех революции 1905 года, начало I Мировой войны и крах II Интернационала сделали его страдания невыносимыми. В первом случае тяжелый удар постиг его план революции для России; во втором — его безоговорочная вера в Интернационал и в особенности в самую его сильную и, как он считал, самую ортодоксальную секцию, не оправдалась. Он, считавший себя самым воинствующим революционером, оказался в среде самого крайнего правого крыла российской социал-демократии в 1905—1906 годах, а в годы войны — и в самом крайнем правом крыле II Интернационала.

При том, что позиция Плеханова по вопросу войны вызвала охлаждение к нему не только Ленина и большевиков, но и Мартова, Аксель-рода и даже Засулич, она привлекла к нему многих социалистических лидеров Западной Европы, в чьей ортодоксальности и надежности он сомневался прежде. Если ему все еще было неуютно в их компании, он мог утешаться тем, что остался заодно со своим старым товарищем Гедом. Но разве этого было достаточно? Разве это помогало заглушить ту боль и тот ужас, которые он испытал при виде пропасти между собой и Каутским — двумя ведущими теоретиками, как он считал, II Интернационала? Его настолько глубоко ранили действия немецкой партии и необъяснимое поведение ее главного идеолога, что он едва мог заставить себя упоминать имя Каутского в произведениях военных лет.

Для человека, который гордился своей способностью проникать в природу действительности, эти непредвиденные и трудно вообразимые повороты были чрезвычайно тяжелы. Не менее огорчительным было сознание того, что его позиция малопопулярна в России. Плехановские взгляды по вопросу об участии России в войне усилили его политическую изоляцию и свели почти к нулю его возможности оказывать влияние на ход событий в России. Он пытался в своих сочинениях создать впечатление, что его уверенность не пошатнулась, что его взгляды не нуждаются в пересмотре, и все еще будет так, как он говорил; но он не мог скрыть растущей неуверенности. Она видна в его признании, что социализм, безусловно, наступит, но позднее, чем это предвидел он и многие другие⁴¹. Неуверенность видна также и в его более благосклонной оценке Канта, что предполагало отход от рассмотрения социализма как исторически неизбежного общества, вероятность которого научно обоснована. Возможно, ход событий подска-

зал Плеханову больший спектр возможностей развития человеческого общества, нежели это признавал марксистский детерминизм. И все же, хотя он как будто и признавал за людьми право на широкую свободу действий, для него самого уже было слишком поздно пересмотреть свои взгляды таким образом, чтобы исторический детерминизм перестал давлеть над ними.

То, что он терпит неудачу, что события проходят стороной,— это Плеханов, несомненно, подсознательно понимал. Разрыв с самыми близкими товарищами неизмеримо увеличивал это несчастье. Портрет Плеханова летом 1916 года, данный О. В. Алтекманом — старшим товарищем периода народничества, показывает нам сломленного человека. Алтекман стал марксистом под непосредственным руководством Плеханова и был предан своему учителю. Он был поражен неожиданным приходом Плеханова, которого не видел почти два года. Сторонник «оборончества» пришел поговорить о военной политике с учеником, который, используя метод анализа, преподанный ему Плехановым, давно уже пришел к интернационалистским убеждениям. Еще до начала тяжелой беседы Алтекман с горечью отметил, как выглядит его старый, горячо любимый товарищ: «...боже, какое лицо!... Измученное, исстрадавшееся... Темное лицо... Глубоко запавшие глаза потускнели. Мученик, истерзанный сомнением, раздвоением, потерявший свою дорогу, потерявший самого себя... изменивший самому себе... Таким я никогда не видел его. Это не физическое страдание, не обычная скорбь душевная, а что-то глубокое, трагическое, въевшееся в его сильную, светлую душу... Что его так мучит? что его терзает?... промелькнуло у меня в голове при беглом взгляде на него. Он ранен, несомненно ранен, смертельно ранен, этот неутомимый борец...»⁴². Он, работавший вместе с Плехановым в кипучие, восторженные дни агитации среди петербургских рабочих, в 1916 году увидел перед собой «орла с подбитыми крыльями»⁴³.